

«Поэзия и философия обе в равной степени являются едва ли не вершинами человеческого духа, самыми благородными и самыми трудными занятиями, к которым может быть применен человеческий ум».

(Джакомо Леопарди, «Дневник размышлений», 3383, 8 сентября 1823 г.)

ПРОЛОГ

Сколько раз Данте взывает к нам в своей «Комедии»: «Читатель, чтец...». Он был уверен, что ее прочтут те, «которые бы звали / Наш век старинным» («Рай», песнь XVII, 119–120). Данте знал, что ее прочтут, потому что писал свой нравственный трактат в стихах для всего человечества. Произведение это настолько глубоко, что выдержало испытание временем, и даже в наш век, в котором «Бог умер» (Ницше, «Веселая наука», 125), такой неисправимый атеист, как я, читает и перечитывает его. Часто я нахожу утешение в рифмах Данте, смиряюсь перед ясностью его наставлений и предостережений.

Этическое сочинение... Нравственное произведение... Что на самом деле означают термины «этика» и «мораль»? Если совсем кратко — это совокупность размышлений (суждений) о наших действиях, наших привычках и нашем поведении. Приобретая обобщенный и распространенный характер, они становятся правилами, нормами поведения. А философия морали исследует причины, по которым привычка, обычай является или становится правилом. Перед нами возникает множество вопросов: «Действуем ли мы в соответствии с существующими ценностями или они всего лишь полезная условность? Является ли нравственная норма внешней (гетерономной) по отношению к нам или она исходит изнутри, из нашего человеческого естества, т.е. является автономной? Бог ли мерило и начало норм морали или Бога не существует и нормы морали суть детища общества, объективирующего и освящающего свои нужды и цели на данном этапе истории?» Попробуй разберись...

Поиск верного ориентира в этих вопросах не является целью нашего весьма скромного вклада в прочтение «Божественной комедии». Он нужен для понимания того, что этика занимает центральное место в поэме, которая по своей глубинной сути является нравственным сочинением, философским трактатом о морали и только затем поэтическим и богословским сочинением. И сегодня, спустя более 700 лет, именно это обстоятельство страстно влечет нас к «Божественной комедии».

700 лет — действительно большой срок. Данте сочиняет свое произведение в первые десятилетия XIV века. Культурно-философский контекст того времени неразрывно связан с верой и постулатами западной христианской религии, а именно с истиной, явленной через Божественное откровение, труды отцов церкви и доводы схоластической философии. Во времена Данте мы уже очень далеки от натурфилософии эллинистической эпохи и еще не дошли до эпохи Просвещения, французской, а также промышленной революции и, главное, до Галилея, Ньютона, Эйнштейна, Бора и революции квантовой физики. Космос Данте выглядит рационально и упорядоченно. Он пронизан присутствием Бога и его любви, милосердием, излучаемым повсюду. Будем помнить об этом, сопровождая Данте в его философских размышлениях. Философская точка отсчета Данте сильно отличается от нашей. Для него Бог существует со всей несомненностью и определяет порядок целого Космоса. Для нас Бог постулируется скорее как проблематика с философской точки зрения. В действительности современная научно-философская мысль полностью отстраняется от гипотезы существования Бога, отодвигая его в область веры и, следовательно, сугубо личных, сокровенных чувств.

Зачем же тогда читать «Божественную комедию»? Для чего вникать в ее философско-этическое содержание? Почему я считаю «Божественную комедию» чрезвычайно современным произведением? Пусть Данте сам ответит на эти вопросы.

АД

КОГДА ЦАРИТ СМЯТЕНИЕ

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.*

*Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несусь!*

Так горек он, что смерть едва ль не слаще.

(А.І.1-7)

КОГДА ЦАРИТ СМЯТЕНИЕ

С первых строк «Божественной комедии» Данте говорит о земной жизни, он подразумевает жизнь каждого из нас, он говорит об обстоятельствах, в которых может оказаться любой человек; любой может растеряться, сбиться с пути, очутиться в том положении, когда мы спрашиваем себя: «Черт возьми, как я дошел до этого? Как я оказался в этом месте и с этими людьми?»

Сбиться с пути, растеряться. Вот что такое «сумрачный лес». Это не то унижающее, почти безвыходное положение, в котором оказался Данте, не считавший, что ему приурочен ад, о чем он не раз говорит в своей поэме. Это всего лишь жизнь, в которой человек сбился с курса, потерял философские, моральные, ду-

ховные ориентиры, «утратив правый путь». Вот в чем заключается общий смысл «Комедии». Это поэма возможного обновления и опять же возможного спасения. Лес — это жизнь каждого, кто чувствует себя потерянным, а жизненный опыт Данте — это опыт каждого, кто спрашивает себя: «Куда я иду? В чем ценность моей жизни? Как достойным образом прожить ту жизнь, которая дана мне, именно мне, один раз?!» Всё это вопросы этической философии, верно, но в то же время вопросы, которые, я уверен, многие из нас, если не все, задавали или задают себе.

Каким образом Данте собирается выйти из сумрачного леса, после того как осознал случившееся с ним? Где найти путеводную нить? Данте смутно различает холм, освещенный лучами восходящего солнца. Теперь образу леса противопоставляются две другие аллегории: освещенный холм (но это не холм Чистилища) и, главное, солнечный свет, т.е. жизнь, озаренная истиной, и сама эта истина, т.е. Бог. Данте устремляется к освещенному холму, но восхождению препятствуют три зверя — рысь, лев и волчица. Они преграждают ему путь и теснят его в сумрачный лес.

*И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.*

*Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.*

(А.І.49-54)

Что же означают эти три зверя? Определенно не скажешь, но это и не столь важно, ведь очередная аллегория совершенно ясна: нелегко со всей полнотой ощутить радость жизни, поскольку множество препятствий, будь то страсти или ошибки, толкают нас к жизни сумрачной, лишенной света, приковывают к ней. Не столь важно, как мы назовем три этих средостения. Кто-то на языке схоластической философии заговорит о несдержанности, злобе и буйном скотстве, т.е. насилии, согласно Аристотелю, в его крайних проявлениях; а еще сладострастии, гордыне и зависти. Пусть так, неважно. На мой взгляд, три зверя воплощают не отдельно взятые прегрешения, но присущие всем нам страсти. Они неминуемо подавляют нас, принижают нашу жизнь, лишают ее широты видения («великого стиля» по Ницше), осмысления высоких ценностей. Говоря так, я не говорю о «жизни без веры», хотя и должен бы, ведь, по сути, Данте пишет именно об этом, ровно потому, что «Комедия» легко поддается светскому прочтению, даже атеистическому, поскольку является цельной, сложной, изумительной аллегорией, а всякая аллегория, в том числе аллегория солнца/Бога, может иметь множество значений. В этом кроется

и смысл поэзии, пронизанной философией: стремительный аллегорический полет освобождает мысль от схем и категорий (Канта), позволяет ей парить повсюду, переходить от одного понятия к другому, от одной мыслительной сферы к другой, невзирая на видимые различия или несоответствия.

Так мысль, подкреплённая поэзией и философией, укрепляет и нас. Именно это происходит с Данте, когда три зверя отесняют его в сумрачный лес: его мысль, наша мысль, т.е. наша рациональная способность, пропитанная философской практикой и поэтическим видением, поддерживает нас и помогает не падать духом, не лишаться осмысленной, ценностной жизни, направляет к истине и добру. И кто, как не Вергилий, воплощает для Данте рациональную мысль, ту натурфилософию, которой пропитан он сам?

Умудренный литератор и прославленный поэт, Вергилий пользовался в Средние века подлинным авторитетом. Его окружала аура таинственности, он считался колдуном и внушал страх. Поговаривали, будто Вергилий предвидел явление Христа, предсказав его в своих «Буколиках», к которым мы еще вернемся.

*Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? —
Ответил я, склоняя лик смущенный. —*

*О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неустомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!*

*Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый.*

(А.І.79-87)

A painting of a man in a blue robe standing in a dark, dense forest. The man is looking towards the viewer with a serious expression. The forest is filled with tall, thin trees and thick foliage, creating a sense of depth and mystery. The lighting is dramatic, with a strong light source from the left, casting long shadows and highlighting the man's figure.

Волнение Данте велико. Не столь взволнован сам Вергилий. Его душа помещена в Лимб; ей не суждено обрести Божественную благодать, поскольку Вергилий умер язычником. Но он выполняет миссию, доверенную ему Беатриче по просьбе святой Лючии. Последнюю подвигла к этому не кто иной, как сама Богородица. Данте следует вывести из сумрачного леса, довести до Земного Рая, к Беатриче, с которой он продолжит странствие лично к Богу. Какова сила поэзии! В Раю Данте будет сопровождать уже не Вергилий, а Беатриче, а в самом конце — святой Бернارد; язычник не может войти в Царствие Небесное. Более того, наш разум, как бы ни был он просвещен и напоен истиной, не может достичь конечной истины, истины Божественного откровения. Перед лицом Божественного знания — Беатриче — человеческое знание развеивается, подобно Вергилию на вершине Чистилища. Наше знание попросту «не доходит» до Божественного знания и никоим образом не может до него достичь, если оно не подкреплено Божественной любовью. Беатриче есть любовь, любовь как единственный путь достижения Божественной истины.

Пока же Данте пускается в путь вместе с Вергилием. Куда они идут? Разумеется, в Ад. Вниз, в адскую впадину, а уже оттуда в Чистилище, на его вершину, с которой войдут в Земной Рай, тот самый, где пребывали Адам и Ева (это еще не райское Царствие Небесное); там Данте наконец снова встретится с Беатриче.

...E PER COSE CREATE
LASCIA TE OGNI SPERANZA,
VOI CH'ENTRATE

СКРЫТЫЕ МИРЫ ДАНТЕ. АД

Вот о чем Вергилий говорит Данте во второй песне «Ада», когда они направляются к входу в преисподнюю (на это уйдет целый день пути). Вергилий объясняет причины своего вмешательства: он призван помочь Данте. Того одолевают страх и сомнения, но Вергилий ободряет его, и они подходят к сорванным с петель вратам Ада, над которыми крупными буквами начертано:

*Я УВОЖУ К ОТВЕРЖЕННЫМ СЕЛЕНЬЯМ,
Я УВОЖУ СКВОЗЬ ВЕКОВЕЧНЫЙ СТОН,
Я УВОЖУ К ПОГИБШИМ ПОКОЛЕНЬЯМ.*

*БЫЛ ПРАВДОЮ МОЙ ЗОДЧИЙ ВДОХНОВЛЕН:
Я ВЫСШЕЙ СИЛОЙ, ПОЛНОТОЙ ВСЕЗНАНЬЯ
И ПЕРВОЮ ЛЮБОВЬЮ СОТВОРЕН.*

*ДРЕВНЕЙ МЕНЯ ЛИШЬ ВЕЧНЫЕ СОЗДАНИЯ,
И С ВЕЧНОСТЬЮ ПРЕБУДУ НАРАВНЕ.
ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНИЯ.*

(А.Ш.1-9)

-
- I. ЛИМБ
 - II. СЛАДОСТРАСТНИКИ
 - III. ЧРЕВОУГОДНИКИ
 - IV. СКУПЦЫ И РАСТОЧИТЕЛИ
 - V. ГНЕВЛИВЫЕ
 - VI. БОГОХУЛЬНИКИ
 - VII. НАСИЛЬНИКИ

Река АХЕРОН

Река СТИКС
Стены города Дита

VIII ОБМАНЩИКИ
(Злые Щели)

ГИГАНТЫ

IX. Предатели

Озеро КОЦИТ

ЛЮЦИФЕР

ЗАГЛЯНЕМ В АД

Прежде чем направить наши стопы в дантовский Ад, ненадолго перенесемся вперед, в десятую песнь «Ада». Именно здесь Вергилий описывает Данте строение преисподней.

Глубокая воронкообразная пропасть дантовского Ада опоясана уступами. Это и есть круги Ада. Каждому кругу, иногда разделенному на подкружья, соответствует свой грех. Грехи, как и всё в дантовской космогонии, подчиняются строгой логике. Грех может и должен быть упорядочен и познан теми, кто задумывается над природой зла и, значит, намерен держаться от него подальше. Незнание греха не спасет наивного грешника от неминуемого проклятия его души. Данте часто говорит об этом в «Комедии». Мы должны задуматься, что такое зло и что такое добро, и хорошо понимать формы зла, греха и заблуждения, чтобы избегать их. Эти советы вполне приемлемы и для того, у кого нет веры. В этом и есть суть этики. Глубоко задумываться о добре и зле, о нравственном смысле своих поступков, чтобы жить «просвещенной» жизнью, а не жизнью «сумрачной». Этот путь вполне приемлем для всех — верующих и неверующих.

Строение дантовского Ада в основном соответствует градации пороков, предложенной Аристотелем. Изначально следуют прегрешения, вызванные т.н. несдержанностью (лат. *incontinentia*), иначе, необузданностью. Речь идет о злоупотреблении дарами, данными нам самим Богом с условием, что мы будем пользоваться ими в меру. Излишество ведет к тому, что любовь превращается в сладострастие, аппетит — в ненасытность, вполне естественное стремление к удобству и достатку становится скупостью или ее зеркальным грехом — расточительностью; сила духа переходит в гнев, а то и в нерадивость, презрение к жизни. Все эти прегрешения заслуживают преисподней, но среди прочих грехов, наказуемых в Аду, они считаются менее тяжкими, поскольку объясняются расхожей неспособностью человека соблюдать во всем меру. Вот что означает несдержанность — безудержность, разнузданность. Подобные излишества чаще других встречаются на каждом шагу. Грешники вызывают у Данте острое сопереживание; последнее осуждается Вергилием, поскольку направлено оно на тех, кто его не заслуживает, ведь страшного Божественного правосудия не избежать.

Далее караются грехи, связанные с насилием, использованием силы, которая тоже является Божественным даром, но и она направляется на несправедные цели:

